

в Англии, но это совсем не значит, что здесь мал спрос на эстрадные представления, особенно в рабочих клубах. Некоторые из них лучше оборудованы для выступлений на сцене, чем сами театры эстрады. Дворцы культуры можно найти в любом городе Советского Союза. По значению их можно сравнить с шахтерскими клубами или с общинными центрами Англии, но построены они и оборудованы неизмеримо роскошней, чем любые из английских учреждений такого рода.

Общее впечатление, вынесенное делегатами, заключается в том, что эстрада не уступает по своей популярности театральному искусству или балету и что лучшие эстрадные номера в Советском Союзе пользуются такой же известностью, какой в Англии номера лучших артистов.

Работники английских профсоюзов пригласили через наш профсоюз советскую делегацию работников искусств приехать в Англию. ЦК профсоюза направит такую делегацию весной будущего года с ответным визитом. Взаимные поездки позволяют лучше узнать друг друга, непосредственно познакомиться с жизнью народов, укрепить и расширить дружеские связи между советскими и английскими работниками искусств и культуры.

Итак, за дружбу, наши британские коллеги!

Б. Ржанов

Председатель ЦК профсоюза
работников культуры

К спорам в эстетике

В течение многих лет вопрос об эстетическом отношении человека к действительности не исследовался в нашей науке, и лишь в последние годы вопросы, связанные со спецификой эстетического отношения к действительности, встали в центр внимания наших исследователей, вызвав оживленную полемику. В ходе обсуждения проблем эстетического в нашей науке наметились разнородные направления. Немалый интерес представляет поэтому «разбор» споров, проходящих между нашими исследователями.

Изучение центральной проблемы эстетики упирается в решение вопроса о природе, эстетических качествах самой действительности. По этому вопросу в многочисленных работах, вышедших за последние годы, выдвинуты различные, а нередко и противоположные суждения.

Чтобы яснее представить сущность наметившихся разногласий, напомним, что марксистская эстетика,

А. Егоров, Искусство и общественная жизнь. «Советский писатель», М., 1959, 408 стр., ц. 10 р. 10 к.
С. Гольдентрихт, Об эстетическом освоении действительности. Изд. МГУ, 1959, 73 стр., ц. 2 р. 75 к.

базирующаяся на теории познания диалектического материализма, разграничивает вопрос о существовании эстетических качеств в действительности и вопрос об их познании. Между тем среди части советских исследователей наметилось течение, которое смешивает обусловленность эстетических оценок и представлений общественными отношениями с тем, что отражается в этих оценках и представлениях. Для приверженцев этого течения эстетическое отношение человека к действительности и эстетические качества действительности, как ни странно, представляют одно и то же.

В недавно вышедшей монографии А. Егорова «Искусство и общественная жизнь» такие взгляды справедливо характеризуются как выражение эстетического субъективизма. Некоторые наши теоретики, отмечает А. Егоров, «подменяют вопрос о существовании предметного мира и предметных качеств, которые мы называем эстетическими, вопросом о роли общественной практики в познании или даже о роли субъекта в познании. В силу этого они превращают человеческую практику в некий фетиш... Они считают, что... эстетическое наслаждение есть наслаждение человека не предметом, а лишь самим собой. Они, как ни странно, не учитывают и того, что человек, созерцая природу и обогащая тем самым свое духовное содержание, отнюдь не создает внешнего мира; он обнаруживает объективные качества предметов, существующую в них красоту. Словом, общественную практику и ее роль в художественном освоении действительности они толкуют субъективистски».

Почти одновременно с выходом книги А. Егорова появилась работа С. Гольдентрихта «Об эстетическом освоении действительности», обосновывающая субъективистские воззрения на природу прекрасного. Знакомство с этой работой поможет разобраться в аргументации, которая характерна вообще для сторонников эстетического субъективизма.

С. Гольдентрихт видит объективный источник красоты лишь во «второй природе», то есть в явлениях природы, непосредственно вовлеченных в общественно-трудовой процесс, подвергнутых воздействию рук человека. Только предметы, преобразованные человеческим трудом, он объявляет прекрасными, способными доставлять эстетическое наслаждение. Поэтому в его работе речь идет не столько об отражении природы в сознании человека, сколько об «отражении» человека в природе.

С. Гольдентрихт считает, что сама природа вне общественно-трудовой деятельности людей не содержит никаких сторон, способных эстетически воздействовать на человека, что эстетические ценности возникают и формируются только в процессе материальной практики, в процессе преобразования природы человеком. Согласно его концепции, прекрасное в самой жизни рождается тогда, когда человек проявляет и «опредмечивает» свои творческие силы и способности в продукте труда и наслаждается своим трудом, как игрой физических и интеллектуальных сил. «Прекрасное,— пишет Гольдентрихт,— существует как объективная сторона человеческой общественной деятельности и ее продуктов».

Если таким воззрением на природу прекрасного руководствоваться в деле эстетического воспитания, то мы придем не к развитию и обогащению эстетических вкусов народа, а к их сужению и обеднению. Марксистско-ленинская эстетика считает, что искусство должно пробуждать в человеке художника,

должно научить его отыскивать и воспринимать источники красоты как во «второй», так и в «первой» природе. С увеличением господства человека над природой вовсе не умалется, а вырастает человеческая потребность наслаждаться красотой природы, радоваться полноте и богатству проявления жизни в естественных предметах и явлениях. Хорошо сказал об этом А. Твардовский в стихотворении «Разговор с Падуном», рассказывающем о покорении советскими людьми величавой сибирской реки:

Придет иная красота
На эти берега,
Но, видно, людям та и та
Нужна и дорога.

В этих строках с необычайной конкретностью и убедительностью выступает широта эстетического сознания, которую воспитывает в советском народе искусство социалистического реализма. Воспринимая со всей полнотой реальную красоту социалистического труда и его великих свершений, советские люди видят источник красоты и в первозданной природе, во всем ее великолепии и богатстве. Эти бесспорные истины приходится повторять, так как сторонники эстетического субъективизма обедняют возможности, которые открыты перед эстетическим сознанием человека.

Вся несостоятельность позиций эстетического субъективизма обнаруживается особенно наглядно, когда С. Гольдентрихт переходит к примерам, иллюстрирующим его концепцию. В подтверждение того, что «сами по себе силы и предметы природы без соотнесения с деятельностью людей не доставляют эстетические наслаждения», исследователь пишет: «Гигантские массивы целинных и залежных земель, лишь будучи преобразованы трудом советских людей, превратились в цветущие поля, доставляющие эстетическое удовлетворение.

Подземные воды, камень, глина, мрамор, гранит, строительные материалы, понятно, никакими эстетическими качествами не отличаются, но созидательный планомерный труд преобразовал эту мертвую, безформенную массу и создал великолепные дворцы метрополитена, воплощающего подлинную красоту творческого социалистического труда».

Не трудно убедиться, что здесь С. Гольдентрихт попросту вступает в противоречие с эстетическим опытом каждого человека, воспринимающего и эстетические качества «первой природы» во всей ее нетронутости и первозданности. Спрашивается, как объяснит С. Гольдентрихт тягу миллионов советских людей к туризму, где эстетическое чувство играет далеко не последнюю роль? В туризме, захватывающем с каждым годом все новые и новые тысячи приверженцев, весьма наглядно обнаруживается восхищение и радость советского человека, возбуждаемые зрелищем прекрасного, умением видеть живую красоту там, где С. Гольдентрихт видит только «мертвую, безжизненную массу».

А как с позиций эстетического субъективизма подойти к произведениям искусства? Если картина Шишкина «Рожь», по объяснению С. Гольдентрихта, «производит художественное впечатление как мастерское изображение широкого поля трудовой деятельности человека», то как он объяснит эстетическое воздействие картин того же Шишкина «Утро в сосновом лесу», «Заповедный бор» или «Корабельная роща»? В чем, по его мнению, эстетические достоинства марин Айвазовского, пейзажей Поленова

и Левитана? Неужели и здесь С. Гольдентрихт будет говорить об «изображении человеческой трудовой деятельности»?

В работе С. Гольдентрихта субъективистское отрицание эстетических качеств действительности доводится до логического конца. Он объявляет, что прекрасное, возвышенное, безобразное вообще не следует называть эстетическими свойствами действительности, так как это — всего лишь «определенные объективные формы проявления общественно-эстетических отношений, находящих свое реальное бытие в разнообразных материальных формах действительности». Игнорируя существование эстетических качеств действительности, сторонники эстетического субъективизма оказываются несостоятельными даже там, где считают себя всего сильнее — в объяснении характера эстетической деятельности. С. Гольдентрихт заявляет, что даже формальные признаки красоты — порядок, симметрия, цвет, пропорция, ритм, гармония и т. д. — возникли в общественно-трудовой целесообразной деятельности человека, а не взяты из природной непосредственности. Между тем по меньшей мере странно отрицать наличие цвета, симметрии, пропорций, ритма, гармонии в самой природе. Именно с учетом этих природных закономерностей только и может происходить творческая деятельность человека. Маркс прямо указывает, что творчество по «законам красоты» возникает тогда, когда человек умеет прилагать к предмету мерку его вида. В эстетическом творчестве человек как бы учится у природы, открывает заложенные в действительности реальные источники красоты и концентрирует их в произведении искусства.

Сторонники эстетического субъективизма не понимают, что эстетическое освоение мира может заключаться не только в материальном преобразовании предметов природы, но и в восприятии их эстетического своеобразия, в познании. Марксизм ограничивает собственно искусство как форму познания объективной действительности от производства утилитарных предметов, где присутствуют только отдельные эстетические элементы. В связи с этим производится деление на формальную красоту, которая наличествует вообще в творениях человеческого труда, и красоту эстетического содержания, без которой невозможно произведение искусства. С точки зрения эстетического субъективизма такое деление излишне. Различие между утилитарными предметами и художественными произведениями С. Гольдентрихт видит только в том, что «эстетическая сторона человеческого труда непосредственно слита в предметах практической необходимости с их утилитарной целесообразностью, тогда как в произведениях большинства видов искусства... эстетическое содержание свободно от непосредственных утилитарно-практических интересов».

В современной советской эстетике эстетическому субъективизму противостоит такая концепция, согласно которой специфика искусства выводится из его эстетического содержания, из специфического предмета, который оно осваивает. А решение вопроса об эстетическом содержании искусства тесно связано с выяснением объективного критерия прекрасного в самой действительности. В чем следует искать этот объективный критерий? Эстетические субъективисты считают, что он состоит в наслаждении человека результатами своего труда. Но такое объяснение ограничивает, сужает эстетическое своеобразие действительности. В книге А. Егорова справедливо

подчеркивается, что на самом деле «человеческим представлениям о красоте всегда предшествует реальный многокрасочный, многозвучный мир, существующий независимо от воли и сознания человека». Однако «эстетическую оценку действительности невозможно вывести прямо, непосредственно из тех или иных свойств предмета. Сколько бы мы, скажем, ни изучали и ни рассматривали свежую, пышную розу и превосходный в своем роде экземпляр змеи, нам не удастся лишь из свойств этих предметов установить, почему роза вызывает у нас светлое чувство радости, а змея — страх и отвращение». Ответ на этот вопрос дал, как известно, Н. Г. Чернышевский, считавший, что человека больше всего радует и восхищает жизнь, какой она должна быть по его понятиям. В полноте и богатстве проявления жизни в природе и обществе заложен объективный источник прекрасного. «Человеческий» характер критерия красоты имеет реальной основой постоянное и неразрывное единство человека и природы.

Такая постановка вопроса нисколько не противоречит марксизму. Марксизм рассматривает человека как наиболее совершенную форму, высшее развитие жизни. Основная тенденция жизни состоит в полноте ее проявления. «Раз дана органическая жизнь, то она должна развиваться путем развития поколений до породы мыслящих существ». (Энгельс). Когда говорят, что свойства природы эстетически расцениваются по сходству, по аналогии с соответствующими свойствами и состояниями человеческой жизни, то имеют в виду, что эти аналогии не произвольно изобретены и сконструированы нашим сознанием, а объективно обусловлены живой и неразрывной связью человека и природы.

Марксистское решение проблемы прекрасного возможно лишь на основе теории отражения, которую, по существу, игнорирует эстетический субъективизм. Основываясь на теории отражения, Ленин в духе материалистической традиции рассматривал истину, добро и красоту как явления одного порядка. Конспектируя Фейербаха, Ленин отмечал, что мудрость, добро и красота существуют лишь как свойства людей и что такую постановку вопроса дает материализм против теологии и идеализма.

Если исходить из теории отражения, то красоту следует рассматривать как истину особого рода, охватывающую качественно особые эстетические свойства и закономерности действительности, существующие до и вне воспринимающего субъекта. Такая постановка вопроса о прекрасном дается в книге А. Булова «Эстетическая сущность искусства». А. Булов считает, что «человек как олицетворение высшей, совершеннейшей жизни» есть «абсолютный эстетический предмет». А так как искусство представляет наиболее концентрированную форму эстетического освоения действительности, то «общественный человек, как живое целое, во всем многообразии его человеческих свойств и отношений» является специфическим предметом искусства.

Понимание специфики художественного творчества, основанное на признании специфического предмета познания в искусстве и специфической (эстетической) цели, функции искусства поддерживается рядом крупных советских исследователей. Так, Л. И. Тимофеев в недавно вышедшей монографии «Основы теории литературы» убедительно доказывает, что искусство имеет свой, определенный и от-

деляющий его от других форм идеологической деятельности предмет познания, и таким предметом является «человек во всей сложности его отношений с обществом и природой». Развивая эту мысль, исследователь приходит к выводу, что «познание человеческих отношений в искусстве неразрывно соединено... с определенной и специфической целью — изображением этих отношений в свете тех (в каждом данном случае исторически обусловленных) идеалов, которым должны отвечать эти отношения».

В некоторых работах последнего времени позиция А. Булова и его единомышленников отождествляется с позицией сторонников эстетического субъективизма. На наш взгляд, такое отождествление явно несправедливо.

Положение о том, что прекрасными представляются такие явления природы, которые «напоминают» человеческую жизнь, отнюдь не равнозначно тезису эстетического субъективизма, что прекрасное вносится в природу в ходе общественно-исторической практики людей. Действительное противоречие возникает у А. Булова тогда, когда он утверждает, что «в эстетическом осознании природы и особенно в искусстве человек не выявляет ее собственных сущностей, но через нее выявляет и характеризует сущности человеческой жизни». Конечно, эстетическое познание раскрывает и определенные сущности природы, объективно сходные с сущностями человеческой жизни.

Трактовка проблемы эстетического в книге А. Егорова, как нам представляется, не противоречит концепции Булова, а уточняет и дополняет ее. Как и Булов, А. Егоров выдвигает на первый план познавательную функцию искусства.

Маркс писал, что способ освоения человеком предметного мира зависит от природы самого предмета и от соответствующих ему человеческих сущностных сил. В искусстве, представляющем вид духовно-практического отношения к миру, происходит такое освоение действительности, при котором в ней открываются ранее неведомые стороны и свойства, радующие и духовно обогащающие человека. Только исследуя познавательные возможности искусства, можно понять сущность метафоры, олицетворения природы в литературе, объяснить наличие привнесенного художником человеческого настроения в пейзаже — словом, можно проследить особенности художественного языка во всей его эстетической конкретности.

Советская эстетика призвана внести значительный вклад в решение задачи воспитания эстетических вкусов советского народа, поставленной партией перед всеми отрядами нашего искусства. На нынешнем этапе перед эстетикой стоит задача преодоления ошибочных субъективистских воззрений, завоевавших приверженцев среди некоторых наших исследователей. Проблемы эстетической специфики искусства, эстетического предмета, метода и функции искусства как особой формы общественного сознания нуждаются в дальнейшей глубокой и всесторонней разработке с позиций диалектического материализма. Нет сомнения, что совместная работа советских исследователей над решением этих проблем покажет те широчайшие возможности, которые открывает применение марксистской методологии для развития эстетической науки.

В. Роговин